

«ЧУЮ РАДУНИЦУ БОЖЬЮ...»: ЕСЕНИН КАК РЕЛИГИОЗНЫЙ ПОЭТ

В автобиографии 1924 года Сергей Есенин пишет: «Первые мои воспоминания относятся к тому времени, когда мне было три-четыре года.

Помню лес, большая канавистая дорога. Бабушка идёт в Радовецкий монастырь, который от нас верстах в 40. Я, ухватившись за её палку, еле волочу от усталости ноги, а бабушка всё приговаривает: “Иди, иди, ягодка, Бог счастье даст”.

Часто собирались у нас дома слепцы, странствующие по сёлам, пели духовные стихи о прекрасном рае, о Лазаре, о Миколе и о женихе, светлом госте из града неведомого...

Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресным дням он рассказывал мне Библию и священную историю».

Мы совсем не преувеличим, если скажем очевидное: православие — основа есенинского мировоззрения.

Библия формировала не просто его представления о бытии — это вообще были первые его знания о мире. Дед по материнской линии Фёдор Андреевич Титов читал — внук внимал.

Так строился есенинский мир, где есть Создатель, его пророки и апостолы, где есть рай и ад.

Это был каркас есенинского сознания; позже всё остальное прирастало на него.

Более того: с поэзией Есенин впервые ознакомился в духовном её изводе, а не в светском — через песни слепцов, которых привечала бабушка по отцовской линии Аграфена Панкратьевна. Сёстры Есенина вспоминали, что она была богомольна «до фанатичности».

Есенин, едва выйдя из младенчества, пристрастился к стихотворному слову, узнав его в двух ипостасях: сначала — духовные стихи, а затем уже — народные песни, которые пела ему мать, а также частушки и потешки, слышимые на улице. Пушкин, Кольцов, Никитин — всё это пришло позже.

Есенин рос не просто в религиозной среде. Всё детство его было пропитано этим на уровне быта.

Есенинская семья фактически не занималась крестьянским трудом — они жили по большей части на деньги, которые присылал из Москвы отец Есенина Александр Никитич, служивший там приказчиком.

В том числе поэтому обрядовая сторона веры в есенинском детстве соблюдалась неукоснительно: так в ребёнке, чтоб он не отбился от рук, воспитывали ответственность и обязательность. В автобиографии 1922 года Есенин сухо сообщает: «По воскресеньям меня всегда посылали к обедне».

Ретроспективно, уже из советских времён, пытаясь выправить слишком религиозное своё взросление, в автобиографии 1923 года Есенин напишет о детстве: «В Бога верил мало».

Он лукавил.

Что значит «мало»? Всё-таки верил, но только чуточку?

Есенину не хватило духа сказать «не верил» — он знал, что в таком случае скажет неправду.

Правда же была в том, что верил он — неистово.

О чём лучше всего говорят его собственные стихи.

* * *

В 1924 году, готовя первый том собрания сочинений, Есенин перечитал написанное им и сам удивился, что он — религиозный поэт.

Пришлось в предисловии объясняться: «Отрицать я в себе этого этапа не могу так же, как и всё человечество не может смыть периоды двух тысяч лет христианской культуры...» Он предлагал воспринимать свои религиозные стихи как «сказочные» — и, конечно, здесь снова лукавил.

Даже критика отлично это понимала. И советская, и эмигрантская.

Поэт и журналист протоиерей Александр Туринцев в статье «Поэзия современной России», опубликованной в Праге в журнале «Своими путями» (1925), писал: «Нет, сколько бы ни извинялся Есенин... за “самый щекотливый этап” свой — религиозность, сколько бы

ни просил читателя “относиться ко всем моим Иисусам, Божьим Матерям и Миколам как к сказочному в поэзии”, для нас ясно: весь религиозный строй души его к куцему позитивизму сведён быть не может... По-прежнему взыскует он нездешних “неведомых пределов”. Неизменна его религиозная устремлённость, порыв к Божеству, меняется лишь внутреннее освещение...»

На свой лад ему вторил оголтелый советский критик Георгий Покровский в книге «Есенин — есенинщина — религия» (1926): «...религиозные настроения красной (вернее, чёрной) нитью проходят через всё его творчество. Распустившись махровым цветком в питательной среде петербургского мистицизма, они видоизменяются применительно к условиям революционного момента, загоняются внутрь, приглушаются в период бурной реакции хулиганского периода и оживают в туманной, мистической форме последнего, упадочного периода. Прodelать такую эволюцию и сохраниться в условиях революционной ломки, когда очень и очень многие переоценили свои былые ценности и, в частности, религиозные, они могли только в том случае, если они были не привходящие, не наносные, а глубоко коренились во всей его психике, вскормленной древней народной религиозностью...»

Всё, как не странно, именно так: «глубоко коренились в психике» и были вскормлены «народной религиозностью».

Удивительно, но в есенинском наследии по количеству наименований даже лирический, обращённый к женщине Есенин, которого особенно знает и помнит читатель, как ни удивительно, проигрывает Есенину — христианскому поэту. Христианских стихов у него больше, чем любовных, в разы!

При должном внимании выясняется: Есенин — автор внушительного религиозного наследия.

Странно, что до сих пор не было отдельного издания христианской лирики Есенина. Сочинителей, внёсших такой огромный вклад в христианскую поэзию, в русской литературе — по пальцам сосчитать. А сочинителей уровня Есенина — и того меньше.

* * *

В 1909 году Есенин поступил в церковно-приходскую школу и в 1912-м окончил её. Никакой ностальгии о годах обучения Есенин не испытывал, скорее напротив, однако школа окончательно упорядочила его знания об истории и сути христианства.

Знания эти Есенин будет самым неожиданным образом проявлять в течении всей своей поэтической жизни.

Религиозную поэтику Есенина можно разделить на несколько, сразу оговоримся, условных этапов. Условных, потому что внутри каждого этапа уже вызревает следующий.

Первый (1910–1914) условно можно обозначить как «праздничное христианство».

Религиозность начального этапа есенинского творчества словно бы гласит: русские — православные по природе. Более того, сама русская природа преисполнена православным чувством.

Русские на поля смотрят, как богомольцы на икону.

Это не совсем пантеизм, в чём пытался убедить Есенина его юношеский приятель, поэт Леонид Каннегисер. Это органичная уверенность, что Бог здесь, Бог — везде.

Раннее есенинское поэтическое православие почти всегда бессюжетно и созерцательно.

Задымился вечер, дремлет кот на брусѣ.
Кто-то помолился: «Господи Иисусе».

.....

Закадили дымом под росой рощи...
В сердце почивают тишина и мощи.

Православное сознание для него в то время обыденно, как дыхание.

Проникновенная, тёплая, сердечная религиозность.

Пахнущая простором, полем, хлебом. Трудом и богомольной дорогой русского человека, наконец.

В том, что, если случится пришествие Спаса, русский человек Его опознает, Есенин нисколько не сомневался.

Вспомним стихи «Шёл Господь пытатъ людей в Любoви...» (1914), где даже нищий, встретившийся Ему на пути, делится с Ним краюхой.

Более того, Господа опознаёт и жалеет даже русская природа:

...Схимник-ветер шагом осторожным
Мнёт листву по выступам дорожным

И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримо Христу.

И, разглядев Его, наша природа ликует:

...Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов, как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На ослёнке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели
И кричат ему: «Осанна!»

Если и был Есенин счастлив по-настоящему, то в те дни, когда открылся его дар, а он ещё не придумал, что с ним делать. Дар ещё не висел на слабом человеке страшным грузом, а только обещал полёт и радость.

Чую Радуницу Божью –
Не напрасно я живу...

Он знал, кому обязан даром — Ему.

Он только боялся, что не сумеет отблагодарить. О чём прямо пишет в стихотворении 1914 года:

...И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях — крылья херувима,
А под пеньком — голодный Спас.

Так заявляется тема страшщей Есенина богооставленности:
«...может быть, пройду я мимо».

* * *

Постепенно в стихи Есенина приходит тема монашества. У инока меньше вероятность пропустить «тайный час».

Город, куда он является из своей рязанской деревни, где всё было пронизано Богом, всё больше пугает его.

В 1915 году Есенин пишет страшное стихотворение, которое так и называлось — «Город»:

Как муравьи кишели люди
Из щелей выдолбленных глыб,
И, схилясь, двигались их груди,
Что чешуя скорузных рыб.
В моей душе так было гулко
В пелёнках камня и кремней.

На каждой ленте переулка
Стонал коровий рёв теней.

Даже ужас города Есенин описывал через «крестьянский» образ: городские тени у него режут, как коровы — голодные, измученные жаждой, тоскующие или ведомые на убой.

Но здесь особенно важно заметить, кем себя в городе видел двадцатилетний Есенин. Он пишет:

Бродил я в каменной пещере,
Как искушаемый монах.

Это вовсе не случайное определение.

В 1916 году на пороге своей огромной славы Есенин, словно бы предощущая горький свой конец, пытается избежать его и думает уйти в монастырь — спастись.

В есенинском стремлении к монашеству можно увидеть что-то поэтическое, в какой-то степени даже игровое — но это будет ошибкой.

В конце концов, мы ведь знаем конец его пути. Даже внешне словно бы играя в «стихи», в «поэтическую позу», Есенин, как никто другой, знал, сколь серьёзны его ставки. Сколь абсолютны они!

Можно вообразить себе Есенина монахом, равно как, скажем, Гоголя, Лермонтова, Достоевского, Гаршина, даже Льва Толстого. В этом есть какой-то важный признак русской литературы: её внутренняя сдержанность, обращённость к потустороннему,

способность к преодолению человеческого, молитвенная собранность.

...Не за песни весны над равниною
Дорога мне зелёная ширь —
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь... —

пишет Есенин в 1916 году в стихотворении «За горами, за жёлтыми долами...» И это второй религиозный период в поэзии Есенина (1914–1916), который мы условно определим как монашеский.

Он более трагичный — на нём, конечно же, сказывается и начавшаяся мировая война, и тяжелейшие предчувствия, явленные, скажем, в стихах, посвящённых царевнам — дочерям государя, которым Есенину выпала возможность читать свои стихи.

Всё ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладёт печать на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу, —

написал Есенин в 1916 году, и можно лишь болезненно поразиться мощи его провидческого дара.

Куда, как не в монастырь, бежать от грядущих дней?

Тема монашества кочует из стихотворения в стихотворение и обрывается в 1917 году.